

ТАТЬЯНА МИРОНОВА

доктор филологических наук

СВОИ И ЧУЖИЕ В РУССКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Познать свой народ, разобраться, какие мы на самом деле, дано нам через родной язык. Каждый народ прежде всего и дольше всего в языковой сокровищнице слова берегает выражения, наиболее для него потребные, ключевые, раскрывающие народное мировоззрение. Лингвисты подсчитали, что из ста наиболее употребительных слов тех языков, которые имеют многовековую письменную историю, за тысячу лет утрачивается, замещается другими словами только пять процентов. Встретясь мы с нашими пра-пра-прадедами, мы бы поняли их, а они – нас! Выходит, мировоззрение народа, а оно выражено в словах, очень устойчиво, жизненный опыт языка сто крат богаче опыта жизни каждого отдельного человека, говорящего на этом, родном для него языке. Именно язык учит нас жизни, рисует нам русскую картину мира, подсказывает, как вести себя, как действовать по-русски. А имя наше – русское – хранит в себе древнее представление о нашем национальном идеале.

ПОЧЕМУ МЫ НАЗЫВАЕМСЯ СЛАВЯНАМИ И РУССКИМИ

Самоназвание народа обычно восходит к различным понятиям, с которыми народ связывает себя, выражая свой идеал совершенства. В своём имени народ может утверждать: мы – люди. Марийцы называют себя мари, что значит “человек”, цыгане именуют себя рома, что тоже значит “человек”, чукчи называют свою народность лыгьороветлян – “настоящие люди”. И в этом их нельзя укорять, такова древняя психология народа, выбравшего себе такое имя.

Народ может именовать себя и так: мы – свои, другие – чужие; так называются шведы – свеи, швабы, в имени которых корень “свой”. Порой народ принимает имя великого предка, обозначая для себя идеалом пример его жизни. По имени легендарных праотцов прозываются иудеи и чехи.

Есть народы, в имени которых явственно слышится название древней родины, – таковы поляки и итальянцы.

Случается и трагичное, когда вместо родного племенного имени народ принимает на себя прозвище, каким он зовётся у других народов, что свидетельствует о духовной исчерпанности национальных сил – редчайшем явлении в истории. Вот мы немцев называем немцами, прежде мы всех иностранцев называли немцами, поскольку они не понимали нашей речи и были для нас, как немые. Так вот, мы зовём немцев немцами, французы их называют

“алеман”, англичане их именуют “джоман”, но сами-то они как называли себя, так и продолжают называть, – только “дойч”. Нас, русских, латыши и литовцы издревле называют “кривас”, финны столетиями именуют нас “вене”, но нам и в голову не приходило принять какое-либо из этих названий.

Какие же идеалы храним мы в своих национальных именах – **русские** и **славяне**? Имя **славяне** связано с понятием речи и слова. Славяне – те, кто говорит, говорит понятно и разумно, в отличие от других, то есть славяне – опять же свои, разумно говорящие, понятные друг другу, в отличие от чужих. Глагол *слыть*, существительное *слово* – вот корни имени *славянин*. В старину, повторяю, всякий народ заключал в своё имя свой идеал человеческого совершенства. Славяне – народ, оценивший сокровище слова настолько, что принял его в своё имя. И каким же издевательством на фоне ясности смысла нашего племенного имени выглядит псевдонаучное толкование имени славяне, предлагаемое нам некоторыми лингвистами, а именно “жители влажных долин”, короче – болотные обитатели.

Другое наше имя – **русские** – как только ни пытались исказить, корень этого слова кому только ни стремились приписать. Немецкая по своим истокам теория утверждает, что так назывались норманы, пришедшие владеть русскими в X веке. Выходит, наше имя нам дано якобы чужеземцами. Другая теория, русская по происхождению, говорит, что имя “русский” возникло от названия крохотного притока Днепра – реки Рось. Неоспоримое решение важнейшего для нас, русских, вопроса дал академик О. Н. Трубачёв, который доказал, что имя *русский* восходит к корню славянскому и индоарийскому **рукс-** или **рокс-**, что значит – “белый, светлый”. То есть русы – народ белый, народ Света. Согласно описаниям арабских источников, в которых задолго до появления славянской письменности впервые зафиксировано имя **руссы**, это были высокие люди со светлой кожей, светлыми, русыми волосами, синеглазые; в буквальном смысле слова – белый, светлый народ. И сами русы называли свою страну – Русь, буквально – “белый свет”, единственно возможное для жизни место, Родина. Всё, что вокруг, не заселённое русами, не обжитое ими, Русью, то есть белым светом для них не являлось. Может, потому и не заримся мы никогда на чужие благоустроенные до нас земли, а осваиваем – делаем своими, обжитыми, родными – земли дикие, до того пустынные, трудно проходимые, постепенно преобразуем их в *белый свет*.

В старину говорили: *стоять на руси*, что означало – не прячься, быть на виду, на открытом месте, а еще *выводили душу на русь*, то есть распахивали её перед людьми настезь. Русь в нашем исконном представлении и есть настоящая люди, и потому в сказках баба Яга, хранительница потустороннего мира, приговаривает при встрече с героями-странниками: “Тьфу-тьфу, русским духом пахнет!” – людским, значит, человеческим духом. А всякого пришлого, чужого мы именовали – *нерусь*, что было равнозначно понятию “не наш человек”...

Всё русское связывалось нами с великой силой и крепостью. И потому русаком зовут камень, который идёт на жернова, – самый крепкий и мощный монолит, который не расколется и даже не треснет.

Слово *русский* связывается в нашем сознании с мощью, подчас суровой и непреодолимой. Мы сами же, не немцы какие-нибудь, прозываем крепкий мороз – русским, мы и северный холодный ветер величаем русским ветром. Есть у нас и русский час, заключающий в себе невесть сколько времени.

Наши сила, размах, удаль не напрасно зовутся русскими, они признаны иноземными народами непомерно большими, непрактичными и нелогичными. А нам как раз такая мера по душе. И вот же любому русскому ясно, что значит *не стерпело русское сердце*, когда, крепясь перед неправдой до последнего, вдруг выходишь из себя и кидаешься врукопашную доказать, что есть ещё правда на земле. Не терпит русское сердце неправды не только в малых делах суетного быта, но и в мировых пожарах войн и нашествий.

Заманчива, притягательна **русь** и **русские** для тех иноземцев, что сердцем тянутся к нашим добру и силе. Для таких людей в русском языке есть слово *русеть*. Обрусевшие немцы постепенно обживаются среди нас, принимают русский быт и дух. Но русские долго присматриваются к ним, сохраняя отчуждённость в напоминании: *обрусевший немец, француз, турок, крещённый татарин, башкир, чуваш*... При этом с гораздо большей отчуждённостью, с налётом презрения мы именуем своих, русских, перекинувшихся к чужакам,

зовём таких русских *онемеченными, ополяченными, офранцузенными, отуреченными...*

Обратите внимание на идеал человеческого совершенства, изначально заключённый в наших племенных именах: **словене** – народ Слова, **русские** – народ Света, а значит добра, племя Белых людей. Но сегодня мы допустили, что имя наше – русские – терпит и гонения, и клевету. Кто только не кинулся, точно по команде затравщика, с остервенением грызть, рвать наше святое имя! Старый, испробованный приём там, где славное имя сразу нельзя уничтожить, а истребить его можно только вместе с русским народом! Имя это нужно оболгать, измарать, обгадить, опошлить, навязать ему чуждые значения, сделать его посмешищем, символом глупости, то есть так отвратить от него умных и запутать невежд, чтобы они с готовностью отказались от него, с радостью приняли другое прозвание, лишь бы не позорить себя причастностью к ошельмованному имени.

Нашим именем “русский”, открыто издеваясь над нами, называют ныне то, что русским никак не является. Как поганые грибы, множатся “русское лото”, “русский банк”, “русский проект”, “русское радио”, “русское видео”, и, конечно же, с особым удовольствием смакуют выражение “русская мафия”. Сейчас вот место захоронения ядерных отходов в Челябинской области называется могильник “Русь”... Явно и символично белый свет мечтают похоронить в радиоактивной грязи.

Многие из активно эксплуатирующих наше национальное имя показали себя кто бессовестным обиралой, кто – грязным развратником, кто – жуликом-проходимцем. Пошерстите хозяев этих “русских” заведений – вы не найдёте там ни одного русского.

В то же время у действительно русских отнимают национальное имя, в прессе и в эфире замесили абсурдные фигуры – татарстанец Иванов, карелец Сидоров, башкортостанец Петров, а все они, вместе взятые, именуются россияне, будто подкидыши из никому не ведомого племени. Одни из нас видят в том неприкрытое издевательство. Каково русскому человеку изо дня в день слышать: татарин Саитов, чеченец Умалатов... россиянин Кузнецов. Другие усматривают в подмене застарелую болезнь прежде большевистского, а ныне – демократического интернационализма. Раньше имя “русский” вытеснялось безродным “советский”, теперь оно изгоняется при помощи безродного же “россиянин”. Так всегда ненавидевшая русских Польша прозвала нас по латинскому образцу в XVII веке. Но все мы понимаем, что тонкая игра, затеянная с нашим национальным именем, есть расчётливая обработка национального рассудка и памяти народа, и многие русские, кто привык к кличке *советский*, очень легко поменяли её на *россиянин*. Так бездомный, безродный пёс откликается на любое прозвище, лишь бы покормили. Так почему же сегодня востребованы именно *россияне*, а не *русские*? Да потому, что русские помнят, что у нас родная земля, единое Отечество, что у нас одна на всех судьба, общая Православная Вера и родной для всех нас русский язык, и история не раз показывала, что против русских войной идти опасно, непосильно, недаром враги говорили про нас “русского мало убить, его ещё и повалить надо”.

Чтобы понять, кто мы – русские, взгляните в лица русских детей. Ведь нас почти что отучили любоваться их ясными, светло смотрящими на мир глазами, мы перестали узнавать свою породу в их русоголовых лицах. Неяркие, неброские, они отливают солнечным светом, как отсветом доброты, коей наполнены все русские. Приходит время, когда мы должны с дерзновением исповедовать свою русскость и крепить себя спасительной мыслью о том, что всё ещё остаёмся народом Добра и Света.

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО “СВОЙ” – ИСТОК РУССКОГО ЕДИНСТВА

Все народы в своём языковом сознании хранят особые ключевые слова, которые ёмко определяют взгляд на мир, приоритеты и ценности мировоззрения. В английском языке, согласно новейшим исследованиям, ключевым является выражение *commonsense* – “здравый смысл”, для немецкой языковой картины мира важнейшим словом предсказуемо оказалось *ordnung* – “порядок”.

А вот ключевым, коренным понятием русского национального самосознания всегда было и остаётся слово *свой*.

Открытие это сделал академик О. Н. Трубачёв при реконструкции древнейших понятий славянской культуры, лежавших в основе строительства дома, семьи, государства, Веры. Эти понятия живы в нас и по сей день, они суть идеалы, образцы, установки жизни русского человека. Хотя найдётся много желающих поспорить с тем, что идея *своего* как *лучшего, доброго и правильного* пронизывает всю русскую жизнь. Ведь нам внушают обратное, что русская-де натура широка, всеохватна и всечеловечна. Мы давно привыкли мыслить себя в облике этакого простеца, гостеприимно распахивающего двери в свой хлебосольный дом любому инородцу, настезь открывающего свою душу любому иноверцу, усердно прислуживающего всем им.

Однако язык наш – первый свидетель того, что русские никогда не были настезь распахнуты для чужаков, что они честно и нелицемерно разделяли мир на *своих* и *чужих*. *Свои* первоначально были для русских люди одного рода, одной крови, ведь древний корень **suo-** означал “рождать”, и, следовательно, **свой** – это родной, единокровный. Такое понимание слова *свой* выражено в формулах народной мудрости: “Свой своему поневоле брат”, “Всякая сосна своему бору шумит”, “Свой свояка видит издалека”.

Поскольку *свой* – родной, то из этого смысла выросло понимание своего как всего Богом установленного, Богу угодного, правильного. Вот законы русской жизни по-своему, то есть так, как нам Бог положил: “Живи всяк своим умом да своим горбом”, “Всякому зерну своя борозда”, “Всякая избушка своей крышей крыта”.

Понятие *свой* изначально несло в себе мысль о богоданности всего, чем богат русский человек в этой жизни, – здоровья, имени, родни, доли. В слове **здоровье** (сь-доровье) в крохотном обломке древнего **suo** – (сь) хранится память о том, как виделась русским людям телесная крепость: *сь-dorv значило “своё древо”, древо доброго корня, так что здоровье представлялось русским людям не их личным достоянием, а родовым наследием, в полном соответствии с современными представлениями генетики о наследственности. И сколь символично, что русское приветствие “здорово”, “здравствуй” содержит в себе тот же самый корень. Здороваться, то есть желать здоровья при встрече, принято у нас многие столетия. Ещё в IX веке византийский император Константин Багрянородный в своём трактате “О народах” упоминал, что славяне приветствуют друг друга “здорово, брате, сестрице”. Больше тысячи лет назад мы были всё те же: желали при встрече крепости нашему древу-роду.

Это существенно отличает нас от других народов, вкладывающих в свои приветствия самое важное для них. Для англичан таковым является дело: “How do you do? – Как действуешь?”. Для итальянцев характерен иной тип приветствия, утверждающий стабильность жизни: “Come sono? – Как стоишь?” Одно из приветствий китайцев: “Ел ли ты сегодня?” – а вот русские не задают вопросов при встрече, они желают, даруют доброе слово во благо рода и семьи.

В слове **счастье** (сь-частье) мы видим, каким оно представлялось русским – своей долей, своей частью, отпущенной Богом человеку по заслугам или грехам его родителей: “Всякому своё счастье; в чужое счастье не заедешь”, “Чужого счастья не займёшь”. Поэтому русское счастье могло быть трудным, даже горьким, такое счастье и название имело особое – горе-зло-счастье. Русское счастье нужно выстрадать, вымолить, заслужить. Русское счастье как доля, судьба, участь никак не совпадало с представлениями о счастье западноевропейца или китайца, у которых счастье связывалось исключительно с материальным благополучием. Мы урожденно знаем, что “счастье в нас, а не вокруг да около”.

И даже **смерть** (сь-мерть) представлялась русскому человеку своей, если она была естественной, природной, от одряхления. Выражение *умереть не своей смертью* до сих пор напоминает нам об этом. А коли смерть – своя, то русские её и не боятся, и повторяют в поговорках: “Смерть русскому солдату свой брат”, “Двум смертям не бывать, а одной не миновать”, “Прежде смерти не умереть”. Эта всегдашняя готовность встретить свою смерть – она ведь, как жена, Богом суждена – делает наш народ воистину бесстрашным,

то есть пренебрегающим смертельной опасностью, готовым рискнуть головой. Русский язык питает русское бесстрашие.

Русский всегда был убеждён, что *своё* — это подходящее именно для него, то есть хорошее, доброе, благое, даже смерть вовремя — своё. Так рождались правила русской жизни, в которой “всякому своё любо-дорого”: “Всякая птица своё гнездо хвалит”, “Свой хлеб сытнее”, “Свой уголок всего краше” и даже “Свой сухарь лучше чужих пирогов”.

Поскольку *своё* — это всё родное и Богом данное, то русские понимали, что Родина, Отчизна, земля предков — тоже свои. Потому и сохранилось в русском языке выражение **во своя си** — “к себе домой, в свои пределы, на родину”. Потому искони не глянулась нам чужбина: “За морем веселье, да чужое, а у нас хоть и горе, да своё”, “На чужой сторонушке рад своей воронушке”.

Замечательно, что именно с пониманием своего как родного, богоугодного, правильного связано у русских представление о **свободе**, то есть возможности действовать по-своему, ведь корень этого слова тот же, что и в слове “свой”. Свободный — это *сам свой*, принадлежащий себе, вспомним, что есть у нас и выражение “сам не свой”, то есть подчинившийся чужому — человеку ли, идее, не суть. Своё говорит русскому о его свободе: “Своя рука — владыка”, “Не князь, не дворянин, а в своём доме господин”, “В своём гнезде и ворона коршуну глаз выклюет”. Неволя, плен, тягота, несчастье, связывающие свободу человека, именуются по-русски “не свой брат”: и голод не свой брат, и палка не свой брат, а “своя волюшка — раздолюшка”. И если говорить о самодостаточности земной жизни в представлении русских, то вся она в словах “Свитка сера — да воля своя”.

Конечно, пронизавшее всё русское сознание понятие *свой* могло рождать и такие уродства как “моя хата с краю”. Это когда взгляд человека выше своей избы и двора не взлётывал. Но всё же русские из рода в род берегли коренной, древний смысл этого слова. Своё — это Вера, Родина, единокровные и единовверные братья, счастье и здоровье, и даже смертный час. И главное: своё — это свобода жить и действовать по законам отцов, а не по принуждению иноземцев.

ЧТО ТАКОЕ “ПРИРОДНЫЙ РУСАК”

Мы постоянно слышим, что русские — не народ, спаянный кровью, родственной по крови, а конгломерат людей, объединённых общностью культуры и территории. Оброненное кем-то из писателей: “Поскреби всякого русского, непременно отыщешь татарина”, — стало чуть ли не аксиомой у политиков, размывающих понятие *русский*, а заодно для всякого явилось входным билетом в среду русского народа. Дескать, каких только кровей — татарских, кавказских, немецких, финских, бурятских, мордовских... — в русском не намешано. Нас усиленно убеждают, что мы, русские, очень разные по крови, что мы не из одного корня проросли, а явились плавильным котлом для многих народов, когда-либо набегавших, заходивших, прибудившихся на нашей земле, и мы всех их принимали, впускали в дом, брали в родню.

Действительно ли мы, русские, представляем собой скопище, сплав, плавильный котел, сборище из сошедшихся на Русь племён, как нас в том убеждают? Тогда мы вовсе не народ, а население, ведь народ — это люди, нарождающиеся из одного рода, ветви одного корня, искры одного кресала. Население же — все, кто поселился рядом, без разбору рода-племени. Народ спаян кровью, народ умеет различать своих и чужих, поэтому в каждом старике видит отца, в ровеснике — брата, в девушке — сестру, в старухе — мать, вспомните, ещё недавно были в ходу обращения к совершенно чужим, но русским людям — отец, мать, сестрёнка, братишка, сынок, дочка, тётенька, дяденька...

Обратите внимание, как многозначно слово **брат** — наше русское мужское обращение к своим же русским мужикам — и как оно меняет форму в зависимости от того, в какой среде и обстановке звучит. Если нужно установить дружеские отношения с незнакомцем, к нему обращаются: “Послушай, брат!” Когда незнакомого о чём-то просят, его зовут: “Помоги, браток!” Коли дело дошло до укора или попрека, то звучит обычно укоризненное: “Чего ж это ты, братец!”. В криминальной среде скорее обратятся друг к другу “братаны”.

У моряков в ходу “братишки”. В любом нетрезвом мужском коллективе возникают “братуха” и “братка”. Всё это формы одного и того же слова *брат*, обозначающего кровную родоу, но употребляемого русскими по отношению именно к неродным людям, чаще всего и вовсе незнакомым им.

Подобные обращения возможны только в среде своего народа, ведь никому и в голову не придёт позвать: “Дочка!” – маленькую китайку, вы никогда не обратитесь: “Матушка!” – к пожилой таджичке, у вас язык не повернется сказать: “Отец!” – иудею в хасидской шляпе.

Сейчас эта традиция отмирает, нам пытаются навязать общее обращение по примеру французского *мадам* и *месье*, английского *мистер* и *миссис*, немецкого *гerr* и *фрау*, прилаживают к этим моделям *сударя* и *сударыню*, навязывают *господина* и *госпожу*, приспособливают *гражданина* и *гражданку*, внедряют *товарища*. Но ничего не выходит. Не приживаются такие обращения. Но само намерение изжить русские родственные формы общения – очень опасная примета того, что русский народ постепенно соглашается стать просто русскоязычным населением – “россиянами”, сдать на потребу пришлому люду, раствориться в нём, исчезнуть, как русские, с лица земли.

Надо развеять этот миф, разорить бастионы лжи, громоздящиеся на шатких подпорках “поскреби всякого русского...”. Давайте поскребём, да не с помощью политического толерантного словоблудия, а обратившись к научным достижениям антропологии, науки о биологических видах человека. Эти знания точны, получены научным экспериментальным путём, постоянно обновляются, и потому не получится у наших противников отовратиться тем, что они устарели. Поскребём и увидим, что русский из поколения в поколение, из рода в род – всё тот же русский, а не татарин, не печенег, не половец, не скиф, не монгол, он – русский! И вот почему.

Выдающийся антрополог, исследователь биологической природы человека А. П. Богданов в конце XIX века писал: “Мы сплошь и рядом употребляем выражения: “это чисто русская красота, это вылитый русак, типично русское лицо”. Можно убедиться, что не нечто фантастическое, а реальное лежит в этом общем выражении “русская физиономия”. В каждом из нас, в сфере нашего “бессознательного” существует довольно определённое понятие о русском типе” (А. П. Богданов. “Антропологическая физиогномика”, М., 1878). Через сто лет современный антрополог В. С. Дерябин с помощью новейшего метода математического многомерного анализа смешанных признаков приходит к тому же заключению: “Первый и наиболее важный вывод заключается в констатации значительного единства русских на всей территории России и невозможности выделить даже соответствующие региональные типы, чётко отграниченные друг от друга” (“Вопросы антропологии”. Вып. 88, 1995). В чём же выражается это русское антропологическое единство, единство наследственных генетических признаков, выраженных в облике человека, в строении его тела?

Прежде всего – цвет волос и цвет глаз, пресловутая форма строения черепа. По данным признакам мы, русские, отличаемся как от европейских народов, так и от монголоидов. А уж с неграми и семитами нас и вовсе не сравнить, слишком разительны расхождения. Академик В. П. Алексеев доказал высокую степень сходства в строении черепа у всех представителей современного русского народа, уточняя при этом, что “протославянский тип” весьма устойчив и своими корнями уходит в эпоху неолита, а возможно, и мезолита. Согласно вычислениям антрополога В. С. Дерябина, светлые глаза (серые, серо-голубые, голубые и синие) у русских встречаются в 45 процентах, в Западной Европе светлоглазых только 35 процентов. Темные, чёрные волосы у русских встречаются в пяти процентах, у населения зарубежной Европы – в 45 процентах. Не подтверждается и расхожее мнение о “курносости” русских. В 75 процентах у русских встречается прямой профиль носа.

“Русские по своему расовому составу, – делают вывод учёные-антропологи, – типичные европеоиды, по большинству антропологических признаков занимающие центральное положение среди народов Европы и отличающиеся несколько более светлой пигментацией глаз и волос. Следует также признать значительное единство расового типа русских во всей европейской России”. Русский – европеец, но европеец со свойственными только ему физическими признаками. Эти признаки и составляют то, что мы называем *типичный русак*.

Антропологи всерьёз “поскребли” русского, и что же отскребли? Никакого татарина, то есть монголоида, в русских нет. Одним из типичных признаков монголоида является эпикантус — монгольская складка у внутреннего угла глаза. У типичных монголоидов эта складка встречается в 95 процентах, при исследовании восьми с половиной тысяч русских такая складка обнаружена лишь у 12 человек, причём в зачаточной форме. Ещё пример. Русские имеют в буквальном смысле особую кровь — преобладание 1-й и 2-й групп, что засвидетельствовано многолетней практикой станций переливания крови. При биохимических исследованиях крови оказалось, что русским, как и всем европейским народам, свойствен особый ген РН-с, у монголоидов этот ген практически отсутствует (О. В. Борисова “Полиморфизм эритроцитарной кислоты фосфатазы в различных группах населения Советского Союза”. “Вопросы антропологии”. Вып. 53, 1976).

Новейшие исследования генетиков показывают, что геном человека обладает особой голографической памятью, которая существует в виде электромагнитных полей, размечающих, подобно проекту, “будущее пространство-время человеческого организма”. Это означает, что уже зародыш человека проецирует при помощи электромагнитных полей, исходящих от его хромосом, весь будущий взрослый организм со всеми наследственными признаками на всех стадиях его развития. Доктор биологических наук П. П. Гаряев доказывает, что такую же голографическую память имеет и кора головного мозга человека, “задающая ментальные, смысловые и образные пространства”, которые определяют действия человека в обществе (П. П. Гаряев “Лингвистико-волновой геном. Теория и практика”. Киев, 2009. С. 154). То есть научно установлено, что цельный русский антропологический тип и архетипы русского мышления, выраженные в особой русской психологии и типичном русском поведении, — устойчивые признаки и передаются по наследству благодаря генетической памяти поколений.

Получается, как русского ни скреби, всё равно ни татарина, никого другого в нём не отскребёшь. Это подтверждает и энциклопедия “Народы России”, где в главе “Расовый состав населения России” отмечается, что “представители европеоидной расы составляют более 90 процентов населения страны и ещё около 9 процентов приходится на представителей форм, смешанных между европеоидами и монголоидами. Число чистых монголоидов не превышает 1 млн человек” (“Народы России”. М., 1994). Несложно подсчитать, что если русских в России 82 процента, то все они — исключительно народ европейского типа. Народы Сибири, Поволжья, Кавказа, Урала представляют смесь европейской и монгольской рас.

На протяжении тысячелетий русский физический тип оставался устойчив и неизменен и никогда не являлся помесью разных племён, населявших временами нашу землю. Миф развеян, мы должны понять, что зов крови — не пустой звук, что наше национальное представление о русском типе — реальность русской породы. Мы должны научиться видеть эту породу, любоваться ею, ценить её в своих ближних и дальних русских сородичах. И тогда, возможно, возродится наше русское обращение к совершенно чужим, но своим для нас людям — отец, мать, братишка, сестрёнка, сынок и дочка. Ведь мы на самом деле все — от единого корня, от одного рода — рода русского.

РУССКИЕ, УКРАИНЦЫ, БЕЛОРУСЫ — ОДИН ЯЗЫК, ОДИН РОД, ОДНА КРОВЬ

Как легче всего ослабить, обескровить народ? Ответ прост и проверен веками. Чтобы ослабить народ, его надо раздробить, раскроить на куски и убедить образовавшиеся части, что они есть отдельные, самостоятельные, сами по себе, даже враждебные друг другу народы. В истории известны разделение сербов — на сербов, хорватов, боснийцев, черногорцев; дробление немцев — на австрийцев и немцев... Эти разделения сопровождалось государственным дроблением и ослаблением мощи великих европейских народов. Горький опыт разделения нации имеем и мы, русские. В середине XIX века мы беспечно приняли так выгодную полякам, немцам, евреям идею дробления русских на три самостоятельных “народа” — русских, украинцев и белорусов. Новоиспечённым народам — украинцам и белорусам — стали спешно создавать

отдельную от русского народа историю. В самостийных украинских учебниках 20-х годов XX века украинцы повели своё происхождение от “древних укров”. Украинцам и белорусам изготовили собственные литературные языки – украинский и белорусский, которые подражали польским литературным моделям, хотя в ту пору малорусское и белорусское наречия русского языка – именно так они именуются в словаре В. И. Даля – отличались от русского литературного языка, как диалекты Смоленщины или Вологодчины, и языковеды по сию пору не находят на картах чётких границ между говорами русскими, белорусскими и украинскими. Народная языковая стихия доказывает их родство, однако ж украинский литературный язык, напротив, стремится отсечь украинцев от русского корня. Исследования выдающегося слависта академика Н. И. Толстого убедительно доказывают, что литературный украинский – искусственное новообразование, он на треть состоит из германизмов, немецких слов, на треть – из полонизмов, слов польского языка, и на треть – из варваризмов, наречия поселян Украины.

Зачем же было дробить единый русский народ, рушить его целость? На территории Австрии в XIX веке жило много православных славян, именовавших себя русскими или русинами. Будучи подданными австрийского императора, они сознавали свою причастность к русскому народу, что очень беспокоило австрийскую власть. Ну, как можно было австрийским властям мириться с положением в Галиции, где в русских избах на стенах висели непременно два портрета – австрийского императора и русского царя, и на вопрос о значении портретов крестьянин-русин обычно отвечал: “Это его величество австрийский император, а это наш русский Батюшка-Царь”. Австриякам на своих землях, да и полякам, чьи территории входили в то время в состав Российской империи и тоже были густо населены русскими, нужно было избавиться от русской “пятой колонны” в собственных пределах. И работа закипела. Идея переделывания русских в “щирых украинцев” была щедро профинансирована австрийским правительством. Во Львове, входившем тогда в состав Австрии, историк М. С. Грушевский сочинил “Историю Украины-Руси”, где князей русских Владимира Святославича, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха поименовали украинскими князьями, писателем Николая Гоголя и Николая Костомарова принялись называть великими украинскими писателями и переводить их труды на украинский язык, который, в свою очередь, был сотворён из тех самых полонизмов, германизмов и варваризмов так, чтобы ни в коем случае не походил на русский литературный язык. Переводы эти выглядели довольно дикими. К примеру, шекспировская фраза Гамлета: “Быть или не быть? Вот в чём вопрос...” – в так называемом литературном украинском переводе Старицкого получила не свойственную благородному принцу датскому базарную развязность: “Буты чи не буты? Ось-то заковыка...”

Поначалу царские власти в России не отнеслись всерьёз к этим, казалось бы, невинным забавам либеральной львовской и киевской интеллигенции, подстрекаемой австрийцами и поляками к самостийности. Власти сквозь пальцы смотрели на намеренное раздувание обиды малорусов на великорусов за то, что называют себя великими русами, а их, малорусов, – малыми. Но эта обида, как заразная болезнь, прочно укоренялась в сознании многих украинцев, с готовностью отвергавших своё русское имя в силу того, что оно мало-русское, и принявших себе национальное имя в честь Украины – окраины Руси.

Вот так вредоносная идея, всего-навсего словесная игра, затеянная с национальным именем *русский*, смогла расчленить и ослабить единый народ, породить взаимную неприязнь у единокровных братьев. И сколько теперь нужно усилий, какую громадную гору неприязни и лжи нужно ниспровергнуть, чтобы побороть эту вредоносную идею, а вместе с ней и искусственное разделение русских на три “восточнославянских народа” – русских, украинцев и белорусов.

Ныне, наконец, получило здравое научное объяснение именование **Руси** – **Великой, Малой и Белой**. Согласно исследованиям академика О. Н. Трубачёва, название Великороссия никакого самовозвеличивания перед другими странами, другими народами не выражает. Как слово Великобритания образует пару с материковой Бретанью – древнейшая колонизация острова шла от туда, – так имя **Великая Русь** образует пару с именем Русь, прежде в глубокой древности обозначавшим область Киева, откуда шло освоение русскими

земель к северу и востоку. Это типичный случай названия колонизованных земель термином *Великий*, так, в истории известны не только Великобритания, но и Великая Греция, Великопольша и Великая Моравия – все эти территории когда-то были освоены из материнских очагов – Бретани, Греции, Польши и Моравии. Вот почему рядом с **Русью Великой** появилась **Русь Малая** – Малороссия, название *малая*, подобно нынешнему *малая Родина*, всегда имело смысл Руси изначальной, материнского очага, вокруг которого образовалась Великая Русь. И никакого уничтожения малороссов в этом названии нет, так же как нет никакого шовинизма великороссов в именовании *великорусский*. Долго сохранялись следы прозывания нынешних украинцев русскими, до сих пор на крайнем западе Украины существует область, которая по-прежнему зовётся Подкарпатская Русь, а поляки, немалые усилия приложившие, чтобы малорусы звались украинцами, в своей среде до недавнего времени словом Русь обозначали именно Украину. Так что наши названия Великая и Малая Русь есть объективные указатели широкого продвижения по своей земле народа русского, свидетельство освоения русскими огромных пространств из Киевского материнского лона, а вовсе не знак столь не свойственных нашему народу кичливости и хвастовства.

Не таит мнимых обид, напротив, указывает на древнее единение русского народа и название **Белая Русь** – Белоруссия. Это имя, как показали исследования академика О. Н. Трубачёва, является частью древней системы цветообозначения сторон света. В этой системе северная часть страны обычно именовалась *чёрной* (и в истории сохранилось именование северо-западной части Руси **Чёрная Русь**), красным цветом (по-древнерусски *червонным*) обозначалась южная часть страны (в летописях известна **Червонная Русь**), а *белой* именовалась западная часть Руси. В системе древнего цветообозначения сторон света, согласно реконструкции, было и название для восточной стороны – **Синяя** или **Голубая Русь**. Но её следов в письменной истории не обнаружено. А вот сохранившееся до сего дня имя **Белая Русь** показывает, что это всего лишь западная часть великой Русской земли, – часть целого, а не нечто обособленное и независимое.

Даже самое малое внимание к этим вопросам развеивает взаимные обиды и разногласия. Но кому-то очень хочется, чтобы мы, русские братья, по-прежнему вели свары между собой. Скажем, раздувают в обиду добродушные взаимные прозвища, которые давались украинцами русским, а русскими украинцам, как давались они вятским, пошехонцам, пермякам. Русских украинцы звали москалями и кацапами. Ну, и что тут обидного? Как говорится, назови хоть горшком, только в печь не сажай! Москаль – всего-навсего москвич. На Украине так называли всех, кто вышел не с Дона и не с Украины. А в Сибири москалями и москвичами величали всех русских, включая украинцев, кто жил за Уральским хребтом, то есть в Европе. Точно так же нет причин для обид при назывании украинцев хохлами, это лишь образное подчёркивание особого, собственного запорожским казакам чуба – клока волос на бритой голове – символа казачьей чести. Только чужак, человек чужой крови и не нашего воспитания, может истолковать такие прозвища как обидные. Ведь никто не стесняется этих именовании в русских и украинских фамилиях и не считает собственные фамилии – Хохлов, Москалев, Кацапенко – неприличными, обидными.

Русские, украинцы, белорусы – суть один народ, ибо рождены из одного русского корня, единокровные братья и братья по Вере. Наречия украинское (малорусское), белорусское и великорусское произошли из единого древнерусского языка и отличаются друг от друга меньше, чем немецкие диалекты между собой. Потому и русским, и украинцам, и белорусам, помня наше родство, надо уметь пренебрегать ухищрениями врагов русского единства и русской силы, пытающихся нас разделять и ссорить. Формула нашего национального разделения, универсально высказанная в завещании польского русофоба Мерошевского, должна стучать в наши сердца, не давая забывать о том, что русские, украинцы и белорусы есть один язык, один род и одна кровь. Вот что Мерошевский завещал всем вековечным недругам народа русского: “Бросим огня и бомбы за Днепр и Дон, в самое сердце Руси, возбудим ссоры в самом русском народе, пусть он разрывает себя собственными ногтями. По мере того, как он ослабляется, мы крепнем и растём”.

АРХЕТИП ЧУЖАКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗЛОПАМЯТНОСТЬ ЯЗЫКА

Как полюбить своих – русских, украинцев, белорусов, казаков, – если видишь в них целое скопище пороков и недостатков, если раздражают в соседях хохлацкое упрямство, русская безалаберность, белорусское простодушье, казацкое ухарство... Эта неприязнь выражается в вечном нашем недовольстве самими собой: “Нам, русским, хлеба не нужно, мы друг друга едим”. Оказывается, чтобы полюбить своих, каких бы то ни было – ленивых, беспечных, нахрапистых, упёртых или простодырых, – достаточно взглянуть на чужих, на другие, рядом живущие народы, в которых нам бывают неприятны как раз черты, отсутствующие в типично русском характере. Нас коробят немецкие расчётливость и порядок, кавказские стремление к первенству и агрессивность. Вот тогда-то мы начинаем любить и ценить своих – русских, украинцев, белорусов, казаков, – а повадки и нравы своих кажутся нам милее и краше всех, пусть даже таких полезных для жизни свойств чужаков. Это чувство любви к своим, особенно ярко вспыхивающее при нашествиях чужих, инстинктивно и безотчётно определяется архетипом нашего русского мышления, издревле положившего границу между своими и чужими.

Наши предки тысячелетиями соседствовали с самыми разными племенами, и это соседство оставило по себе память в нашем языке, который, как известно, хранит опыт многих поколений народа в сжатых и ёмких формулах, отточенных бедствиями и невзгодами русской истории.

И какими же видим мы чужаков, встретившихся нам на историческом пути России? Исследования этнологов и лингвистов показывают, что в гуще любого народа чужой опознавался по ряду ключевых признаков: непривычная внешность, физическое строение тела, неприятный на слух и непонятный язык. Поведение чужака – “неправильное” с точки зрения местной традиции и местных бытовых обычаев... Народы, особенно в древности, часто приписывали чужакам способности к колдовству, магии и оборотничеству, считая их пришельцами из другого мира. Само слово **чужой** – исконно звучавшее как туждь, указывает на то, что пришлый человек искони воспринимался как пришелец “от-ту-да”, из-за границы знакомого и привычного мира, а потому требовал к себе настороженного и опасливого отношения.

Всё, увиденное и услышанное русскими в результате общения с мирными и немирными соседями, создавало определённые стереотипы – образы разных народов обретали конкретные черты, устойчиво хранящиеся в национальной памяти. Стереотипы эти настолько устойчивы, что результаты исследований восприятия чужака, проведённых в конце XIX века в Белоруссии, полностью совпали с подобными исследованиями в конце XX века! Сто лет революций, войн, интернационального воспитания, миграций и смешения народов не оказали ни малейшего влияния на представления русских и белорусов о поляках, евреях, цыганах и немцах. Все как было, так и осталось.

Архетипы восприятия чужого народа русским сознанием – это не суеверия или заблуждения, это не пресловутый русский шовинизм или фашизм. Это нормальный фактор национального развития любого народа. Без разделения на своих и чужих невозможна суверенная, самобытная и безопасная жизнь никакого народа, ни единого племени, ни одного, самого крохотного этноса и ни одной, самой громадной нации. В политике очень важно это понимать, чтобы не допускать принижения и умаления одних народов и возвышения над ними других.

Сегодня русский образ мысли, русские архетипы поведения как раз попираются. Словом **ксенофобия** страшат тех, кто недоволен нашествием чужаков на родную землю. Словно припечатывают позорным клеймом, вменяют уголовную 282-ю статью – возбуждение межнациональной розни. Подобная статья есть только в российском законодательстве, другие европейские государства не позволяют себе политических преследований из “соображений демократических”. А у нас в России, причём только для русских, изобретено пугало – именно русским пытаются заткнуть рот Уголовным кодексом, страшат тюрьмой, штрафами. И многие русские поддаются страху быть обвинёнными в ксенофобии, подавляя в себе свой национальный инстинкт самосохранения, основанный на природных архетипах.

Что же такого страшного в этом понятии? **Ксенофобия** – естественное для каждого народа неприятие чужого, отторжение чужого, чтобы не утратить

свою собственную самобытность. В народах, по меткому замечанию великого русского философа А. С. Хомякова, как и в людях, есть страсти, и страсти не всегда благородные. Раньше философов с историками неблагородные страсти чужих народов подметил наш русский язык, запечатлев неприятие чужаков. Русский язык накопил в себе множество ксенофобских образов и выражений. В лингвистике их называют **ксенонимы**.

На основе наименований других народов русский язык творил слова с обобщёнными представлениями об этих народах, в языке оставался след общения с соседними народами. Как известно, картина мира нашего языка многократно богаче картины жизненного, исторического опыта даже целого поколения, не говоря уже об опыте отдельного человека. Какой же опыт накопил в себе русский язык за века межнационального общения?

Исследователи-этнолингвисты провели кропотливую работу по изучению ксенонимов русского языка и установили: ксенонимы – это негативная оценка чужаков, образное обозначение внешних врагов, топтавших русскую землю на протяжении всей нашей истории. На основании ксенофобных слов русского языка лингвисты выяснили, кто из народов мира остался в памяти языка в таком качестве. Предсказуемо оказалось – татары. Вспомним, что незванный гость сравнивается в русской поговорке с татариним. Не жалуется русский язык и немцев. О язвах на коже в Сибири говорят: *немцы сели*, тараканов в России прозывают прусаками, швабами и немцами. Саранчу именуют шведами. Отложилось в памяти русского потомства, как татары, немцы и шведы в трудные для русских времена вторгались на наши земли, истребляя всё на своём пути. Осталась в русском языке недобрая память и о поляках. От имени мазовецких поляков пошло русское прозвище *мазурик*, то есть вор, пройдоха. Помнит русский язык французское нашествие. С тех пор завелось в русском языке слово *шаромыжник* от французского *cher ami* – “дорогой друг”, так голодные французы, скитаясь по холодной России в 1812 году, просили-канючили у крестьян чего-нибудь поесть. С тех пор это слово означает *шатуны* и *плуты*. Ругательство *шваль* народилось от французского *cheval* – “лошадь”. А ещё в языке осталась поговорка: “Голодный француз и вороне рад”.

Что же хотели передать своим потомкам наши предки, закладывая свой жизненный опыт в самую надёжную, самую верную, самую крепкую память – язык. Предупреждение. Пока не обрели собственного опыта общения с другими народами, быть всегда настороже с опасными для нас, русских, этническими соседями.

Повторяю, архетипы национальной неприязни – научно установленный факт, и умные политики, желающие мира в полиэтнических сообществах, должны умело соблюдать баланс компактного проживания коренных народов на своих землях и справедливого распределения между ними общегосударственного достояния.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ – КАК ЗЁРНА И ПЛЕВЕЛЫ

Русский человек, разделяя мир на своих и чужих, не забывал о разделении на друзей и врагов. Если понимание, что в мире есть свои и чужие, необходимо для сохранения национальной самобытности народов и их независимости, то деление окружающего мира на друзей и врагов требуется для крепости национальных государств.

Значение слова **друг** весьма прозрачно. Друг – это другой, такой же, как я, подобный мне, а значит, единый со мною в помыслах и поступках, потому и говорится: “В друге себя любишь”, оттого на Руси “друг денег дороже”. Истинная русская дружба проверяется временем: “Будешь друг, да не вдруг”, “Старый друг лучше новых двух”.

Друг – особо доверительное обращение у русских. Нам невозможно отказать тому, кто просит: “Послушай, друг!”, “Сделай, будь другом!” Ведь в словах “будь другом” содержится древняя клятва верности, готовность принять в соратники того, к кому обращаешься с просьбой. И самые лучшие в жизни поступки, бескорыстные и искренние, русские совершают “не в службу, а в дружбу”. В нас заложено нашим языком “любить друга” и “жить дружно”, артельно, сообща, ватагою друзей: “Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось”. И поговорка о настоящей дружбе, когда надо вместе пуд соли

съесть, сохраняет точный счёт проверки друга временем. Пуд соли два человека могут съесть, десять лет разделяя общую трапезу.

Разумеется, язык предостерегает от безоглядности и неразборчивости в выборе друзей: “Рад другу, да не как себе”, “Дружиться – дружись, а за топор держись”.

Понятие **друг** в русском языке гораздо шире, чем смыслы слов **свой** и **брат**. Другом для русского может стать и чужой, если он принимает русское предложение сора́тничества: “Будь другом!” – что означает быть не только и не столько задушевым приятелем, но, прежде всего, членом дружины, соратником, боевым товарищем. Древнерусская дружина как раз и состояла из давших клятву верности другов-соратников, воинов-однополчан.

На формуле “будь другом!” построено многоплеменное русское государство, которое на основах дружбы и мирного соседства этой клятвой соединяло с русским народом другие племена и народности России. Эта же формула “будь другом!” рождала военные союзы, начиная от русско-половецких походов Владимира Мономаха и заканчивая объединёнными силами Варшавского Договора против НАТО. Особенность русского человека в том, что он в друге видел названного брата. У нас такое представление сохраняется в понятиях воинского братства, монашеского братства, медицинского братства и сестричества. Возможно, это связано с тем, что понимание дружбы как сора́тничества, как воинского братства, а значит, готовности к жертвенному подвигу за други своя, всегда было нам столь же дорого, как и кровное родство. Это удивительное для других народов русское свойство предопределило имперскую мощь нашего народа, который принимал на правах дружбы другие племена в свою страну, давал им равные с собой права, уважал их самобытность, просвещал Православием, но не принуждал к крещению. Такая черта свойственна исключительно русским, строившим свою империю не на принуждении и завоевании, а на добровольном вхождении народов в государство. Так были присоединены Грузия, Армения, Осетия, Абхазия, казахские улусы. Там, где племена просто жили на своей земле, не имея государственных потенций, – а это и башкиры, и чувашы, и мордва, и буряты, и множество других сибирских племён, – они оставались жить по своим оседлостям, их никто не сгонял в резервации, их никто не отстреливал, как это случилось в Америке с индейцами.

Друг и **свой** равно дороги русскому – древний архетип мышления жив в нас и сейчас. Понятие о друге в архетипах русского мышления постоянно сопрягалось с представлением о враге. Эти два слова образовывали такое же смысловое противопоставление, как свой и чужой.

В слове **враг** содержится древний корень **верг-**, означающий, согласно исследованиям академика О. Н. Трубачёва, что враг – это извергнутый из человеческого сообщества, изгой, отторгнутый людьми. Слова, которыми описывается значение слова **враг**, – “недруг, неприятель, супротивник, супостат”, – свидетельствуют о том, что враг – это бывший друг, отвергнутый и изгнанный за измену или другое злодеяние из дружины или иного содружества: “Не вспоя, не вскормя, ворога не наживёшь”. Врагом, согласно русским представлениям, может быть и свой по крови человек, и чужак. Враг – в первую голову изменник и предатель, пренебрегший нашим русским добром и нарушивший верность дружбе. И если к чужаку отношение у русских настроенно-отстранённое, то к врагу – непримиримо враждебное. Когда враг – бывший свой, – его презирают, как изгоя и предателя, им брезгают и сторонятся его, как протухшей падали. Если же враг – чужой изменник дружбе, то тогда в русской душе вздымаются два негодующих чувства – отстраненная неприязнь к чужому и яростная мстительность к врагу, потому что опасность, исходящая от пришельцев, страшнее, чем от врагов своего рода-племени, когда в них видят супостатов и противников. Чувство самосохранения как архетип поведения заставляет русских занимать национальную круговую оборону.

И всё же в отношении к врагам наш народ, в отличие от иных, к примеру, азиатских или кавказских народов, проявляет удивительные бесхитрость и благородство. Мы предпочитаем сначала улаживать недоразумения мирно, бесконфликтно, путём переговоров и уговоров, потом мы предупреждаем врага о нападении. Этот древний архетип поведения проявился ещё у князя Святослава Храброго, по свидетельству Нестора-летописца, бросавшего вызов неприятелю: “Иду на вы!” Русские и сегодня таковы, в отличие от

тех же горцев, которые бьют сразу, без предупреждения. Азиат – тот и вовсе нападает исподтишка, сзади, бьёт в спину. Осуждать за это их невозможно – таковы архетипы национальных характеров.

У русских совершенно иной стиль поведения. Сначала русские пытаются решить конфликт миром, вступают в переговоры, но и тогда, когда мирные переговоры ни к чему не приводят, русские всё равно не нападают, в ход идёт брань – словесная оборона.

Вдумаемся, что такое русская брань, имеющая тот же корень, что и слово “оборона”. **Брань** – это оборона словом, предостережение врага, что он будет убит, если решится сопротивляться. Таков ещё один архетип русского поведения: от чужих мы прежде обороняемся словами и лишь потом пускаем в ход кулаки и дубины.

Ритуальная задача русской брани – наилучшим образом подготовить воина к бою с врагом, деморализовать противника угрозой гибели и воодушевить себя тем, что имеешь дело не с человеком, а с животным, существом слабее, глупее и ниже тебя.

Есть ли сегодня у русского народа друзья в мире? Жизнь показывает, что нет. И призыв русской пословицы держаться за топор в крепкой дружбе важен как никогда.

ПОЧЕМУ У РУССКОГО ЧЕТЫРЕ ИМЕНИ

Давно замечено: если хотите человеку понравиться, почаще называйте его по имени, чем расположите к дружбе и симпатии. Имянаречение – особое священнодействие, без которого рождённый в мир человек как бы не существует. Сам акт имянаречения понимался и понимается по сей день как “вложение имени” в существо, это явствует из этимологии слова **имя**. Индо-европейское **en-men, ano-men** согласно “Этимологическому словарю славянских языков” (т. 8. С. 227-228) означает “то, что внутри человека”, его суть. Имянаречению у русских придавалось огромное значение. По имени, говорили у нас, и жите. Имя влияло на судьбу новорождённого, определяло его характер, становилось его сущностью.

Русский человек от рождения прозывался именем, данным родителями. Из древности до нас дошли княжеские языческие имена Святослав, Святополк, Борислав и Вячеслав, Владимир и Ярослав. Корень **свят-** означал здесь сверхчеловеческую, божественную силу. У Святослава – это сила его славы, у Святополка – сила его воинственности. Называли высокородные славяне-язычники своих детей именами с корнем **слав-**, обозначавшем высшую хвалу их божественному избранничеству. Имя Ярослав означало ярую, как солнце, славу, у Вячеслава слава должна была быть *вящей* – то есть самой большой среди всех, Борислав, нынешний Борис, по сути своего имени должен был бороться за своё божественное избранничество. А вот языческое имя Владимир в древности звучало как Володимир, означало буквально “имеющий власть”.

Дошли до нас и языческие имена людей именитых, княжеских посадников и воевод – Добрыня, Горыня, Путята, Вышата. В них тоже вложен сущностный смысл: Добрыня – человек добротный, Горыня – могучий, как гора, Путята – путёвый, правильный, а Вышата – стремящийся к высокому в жизни, к власти и силе.

Народ попроще не мудрствовал в прозывании своих детей. Ребятишек именовали по счёту – Третьяк, Шестак, прятали от сглаза и колдовства, наделяя младенцев странными именами Ненаш, Неждан, Невзор, чтобы не завидовали злые люди и не пожелали им чего плохого. Именовали ребёнка и по той поре, когда он родился – Вешняк, Зима, Осеня.

После Крещения Руси все коренным образом изменилось. Каждому русскому человеку, помимо традиционного славянского прозвища, давалось имя святого, в честь которого он был крещён. Имена крестные были чаще всего неславянского происхождения, греческие (Георгий, Татьяна), древнееврейские (Иоанн, Мария), латинские (Роман, Валентина). И маленький русич жил с двумя именами – семейным и крестным. Крестные имена быстро обрусели. Георгий стал Егором и Юрием, Евдокия – Авдотьей, Михаил – Михайлой, Даниил – Данилой, Евсевий – Овсеём, Иоаникий – Аникеём, Анастасия –

Настасьей, Елена – Оленой... Имя означало судьбу человека по благочестивому примеру его святого покровителя. Так что постепенно древние славянские имена отошли в небытие, сохранившись лишь в прозвищах, которые мы сегодня находим в фамилиях: Ненашев, Невзоров, Нежданов, Третьяков, Шестаков, Вешняков, Зимин, Есенин...

Сложная структура русского имени, которое ныне состоит из имени, отчества и фамилии, сложилась не вдруг и отразила всю особость отношения русского народа к своим именам. Посмотрите, как пренебрежительно обращаются со своими именами западные народы. Прежде они величаво брали себе по несколько христианских имен Анна-Мария-Тереза, Жан-Пьер-Густав. А ныне обходятся коротким, вроде собачьей клички – Эн, Джон, Пол, Алан, Ник.

У нас же всё не так. Русские постепенно, из века в век, наращивали свои имена. Сначала у нас долго бытовало одно лишь имя, потом имя с отчеством и прозвищем для бояр и князей, потом имя с отчеством или с прозвищем для всякого, а затем вместо прозвища каждый человек приобретал фамилию к имени-отчеству. И каждый русский человек, простой и высокопоставленный, бедный и богатый, умный и не очень, сегодня именуется обстоятельно и величаво по фамилии, имени, отчеству, неся свою суть в личном имени, память о своём отце в отчестве и почёт своего рода в фамилии.

Для чего нужна наша сложная структура русского имени? Обходятся же западноевропейцы без отчеств, и неплохо себя чувствуют. Русская особая форма имени помогает нам определить своё место в семье, в роду, в нашей стране и в мире. Для нас это значимо, для них – нет. Давайте посмотрим, что значат для нас наши русские имена.

У русского человека имеется личное имя (для различения в семье): Василий, Пётр, Иван... Чаше всего оно употребляется в уменьшительном виде: Вася, Петя, Ваня – так, как нас зовут с детства. У русского человека имеется также отчество – семейное имя человека (для различения его в роду): Иванович, Петрович, Степанович. И обращения Степаныч, Иваныч, Петрович в ходу у русских как знак почтения и солидности. Фамилия – родовое имя человека – выделяет его в общине, в своей стране, так как фамилия – это имя по прозвищу или имени главы рода. Но есть и четвёртая составляющая человеческого имени – имя племенное – наша национальность. Русские выделяют у себя в стране по национальности среди татар, башкир, бурят, евреев, калмыков... Национальность – это часть русского имени, необходимая нам для различения своих и чужих в собственном государстве. И когда в российском паспорте у нас изъята графа “национальность”, у русских тем самым умышленно обкорнали имя, пытаясь замутить значимое для каждого народа различение своих и чужих.

Для международного общения существует иное – особое именование. Вспомним, как ещё в X веке в Константинополе называли себя русскими не только русские витязи, но и варяги, пришедшие вместе с русскими в Византию военным походом, так как было престижно принадлежать к русскому племени, известному в окрестных странах. Так и сегодня бурят или якут, даг или адыг не назовётся в Европе и Америке бурятом или якутом, дагом или адыгом, а непременно скажет, что он russian, чтобы определить свою принадлежность к великому государству русского народа. Точно так же граждане Китая, а там насчитывается более сотни различных народов, представляются как китайцы, а граждане США – того правильного котла народов и рас – как американцы. Всем им престижно принадлежать великой державе, и все они желают как можно определённое выразить своё гражданство.

Процесс прирастания людей иных национальностей к какому-либо великому народу и государству как раз и происходит через присвоение себе имени, сходного по форме с именем титульной нации. У нас в России нерусское имя или прозвище приобретает в таком случае облик и форму русской фамилии.

Давайте разберёмся, какие в нашем языке фамилии – исконно русские, а какие приспособились под русские, русифицировались.

Русские фамилии образуются с помощью особых окончаний: на -ов – Мионов, на -ев – Разуваев, на -ин – Палицын, на -ский – Петровский, на -их – Гладких. Русские фамилии происходят от крестных имен. Егоров, Егоршин, Егорычев, Егорин, Егоркин, даже Горкин – все они ведут своё начало от христианского греческого имени Георгий. Русские фамилии происходят от названий профессий: Кузнецов, Ковалев, Коновалов, Горшенин, Гончаров,

Бондарев, Бочаров, Чекмарев, Топоров, Сапожников, Рукавишников, Кожемякин. Возможны в русском языке и прозвища в качестве фамилий. Борода (видать, выдающаяся была она у человека) и Бородин (потомок этого самого Бороды), Глазун (глазастый товарищ) и Глазунов (из рода того Глазуна), Кривуля (что значит – одноглазый) и Кривулин (потомок одноглазого), Щербак (беззубый) и Щербаков (сын щербатого), Базан (этот отличался крикливостью) и Базанов (потомок крикуна). Или вот прозвище Шемяка – и фамилия Шемякин, их сложнее определить: оказывается, ши-мяка – “тот, кто мнет шею”, то есть забияка, драчун. Были на Руси и Рожемяки, те, кто не прочь намять не только шею, но заодно и рожу.

Русское прозвище било не в бровь, а в глаз, метко, жёстко, безжалостно высвечивало и высмеивало недостатки человека, как бы предупреждая окружающих о неожиданностях, которые ждут их при общении и делах с носителем такого прозвища. Ведь это же надо догадаться прозвать человека Гузном, а таких Гузновых, Огузовых, Гузкиных, Гузеевых немало бродило по Руси. Гузно, Гузка, Огузок – это зад, и прозывание таким имечком свидетельствовало о мерзейшем характере его носителя. Или вот Крысин, Крысюк, Крысько, понятно, что произошли от прозвища Крыса. И какой же надо было быть крысой, чтобы прилипло к тебе это противное прозвище!

Однако немало родовых фамилий достойно гордости и чести, не даром говорилось детям: не посрами фамилию, береги честь смолоду. Давайте проследим, как формировалась наследственная фамилия боярского рода Романовых, давших России трехсотлетнюю царскую династию.

У истоков этого генеалогического древа – выходец из русского рода Литвы Андрей по прозвищу Кобыла, потомок Ивана Камбилы, переименованного в более понятное русское прозвище Кобыла. Это прозвище не было унаследовано сыновьями Андрея Кобылы, они приобрели свои собственные прозвания, в том числе Семён Андреевич по прозвищу Жеребец и Фёдор Андреевич по прозвищу Кошка. Сын Семёна Андреевича Александр стал Жеребцовым, но имел и собственное прозвище Синий. Сын Фёдора Кошки Иван стал просто Кошкиным, а его внук Захар Иванов Кошкин положил начало новой фамилии того же рода – дети и внуки Захара стали прозываться Захарьиными. Внук Захара Роман дал новое имя своим потомкам, они уже именовались Романовыми: Никита Романович, его сын Фёдор Никитич Романов и его внук – первый царь династии – Михаил Фёдорович Романов.

Иногда бывает, что фамилия, по форме русская, происходит от местных названий – от деревни, поместья владения или города, где проживал человек. В старом фонде русских фамилий мы найдём лишь немногочисленные старинные дворянские прозвания: Борисоглебский, Печерский, Краснопольский. Сохранились и подобные фамилии духовных лиц – священников, дьяконов, дьячков, пономарей, их называли по именам приходских церквей, где те служили: Успенский, Рождественский, Предтеченский, Покровский.

Но вот среди массы русских фамилий лингвисты выделяют целые пласты иноязычных родовых имён, приобретших русский грамматический облик. Так среди относительно недавно документированных фамилий встречается очень много образований от местных названий – от городов и местечек, и это обычно еврейские фамилии географического происхождения. Фамилии Варшавский или Одесский исключительно еврейские, обозначающие лиц, прибывших из Варшавы или Одессы.

Иноязычная по происхождению фамилия, замаскированная под русскую, безошибочно указывает на нерусское происхождение её носителя. Выделим наиболее известные иноязычные корни в составе русифицированных фамилий России. Очень существенен в составе фамилий России польский элемент: Пржевальский, Циолковский, Врубель... Эти знаменитые люди из обрусевших польских родов. Белорусские отголоски найдём в фамилии Гастелло. Сербские истоки обнаружим в знаменитых фамилиях – Вучетич (вуче по-сербски – волчонок), Гурко (Гурк – правитель сербский из Гургий).

Фамилии тюркского происхождения в русской истории бытуют во множестве. Это Аракчеев, Деникин, Бегичев, Коллонтай, Куинджи, Шахматов, Юсупов, Шереметьев. Карамзин, Аксаков, Баскаков, Басманов, Мурзин.

Особая история с немецкими фамилиями в России. До XVIII века немецкие фамилии подвергались нещадной русификации, изменялись до неузнаваемости. Булахов, а также Булаховский – это географическое название района

Булах в Баварии. Носитель такой фамилии – из немецкого рода выходцев из тех земель. Миллеров, Крамеров, Шольцев – корни этих фамилий немецкие. Но в XX веке, особенно во времена двух мировых войн, их число в России резко сократилось. И если в современных источниках мы встретим немало немецких по форме фамилий, то это в большинстве еврейские фамилии. Ведь новоеврейские фамилии образуются в немалой части из генетически немецких элементов.

Оригинальный тип среди еврейских фамилий составляют фамилии-аббревиатуры. Кац, Катц или Коц не имеют никакого отношения к немецкому названию кошки. Они образованы из начальных букв ритуального титула, по-древнееврейски *kohenedek* – “жрец-праведник”. Многие еврейские фамилии представляют собой образования от личных имен. Например, Орлик – от Арон, Носик (Носсек) от Натан (Насан).

Значительное количество еврейских фамилий происходит от названий занятий, как традиционных профессий, так и культовых функций. Каган, Каганов, Каганович, Коган, Когановский, Коген по происхождению из древнееврейского – “жрец, священнослужитель”. Левит, Левитин, Левин, Левитан – тоже от еврейского “священнослужитель”. Сагалов, Шагал, Шагалов, Сагалаев, Сегалов, Сигалов, Сигаль – все эти слова имеют общую основу, составленную из начальных букв культового термина *seganlevieh* – “левит, слуга, помощник левита”.

Фамилии Шапир, Шапиров, Шафиров, Сапгир, Сапфиров происходят от древнееврейского корня женского имени Сапфира – “Прекрасная”. Перец, Перетц – из обозначения еврейского обряда обрезания. Под фамилией Викторов, а ещё и Вигдоров скрывается еврейское имя Авигдор, Абигдор, происходящее из португальского “судья”.

Русификация фамилий у евреев заходит достаточно далеко. Так же, как они меняют имена, преобразуя их в подобные христианским, – Борух становится Борисом (древнерусское имя Борислав), Гершель превращается в Григория или Георгия, Мойша мимикрирует в Михаила, как и фамилия Мендель превращается в Медведева, Соломонкин – в Соломкина, Шлёмов – в Шеломова.

На примере еврейских фамилий хорошо видно, как в культуре России происходило прирастание людей иного рода-племени к другой нации и культуре через именованье, путём приспособления их родовых имён к русским условиям бытования. Бывало, конечно, что вслед за приспособлением имени сам выходец из чужого рода-племени постепенно обретал русское самосознание и постигал русскую культуру. Чаще всего в России это происходило с немцами, поляками, французами и итальянцами, умевшими и хотевшими деятельно, верой и правдой служить нашей стране. Но не все народы способны вращаться в нашу нацию безболезненно для русских.

“ТРОЯНСКИЙ КОНЬ” ЧУЖЕЯЗЫЧИЯ

Чужие, мимикрирующие под русских, вносят в наш язык свои представления и устои, которые могут отчасти менять русскую языковую картину мира, образуя в ней искажённые чужими архетипами образы.

Об этом пагубном влиянии предупреждал ещё в начале XIX века великий русский просветитель А. С. Шишков: “Каждое вводимое в употребление чужезычное слово не только отнимает у разума свободу и способность распространять и усиливать свой язык, но приводит язык и разум в бессилие и оскудение”.

Бессилие и оскудение языка, а через него и разума приводят к оглуплению, отуплению нации, к неспособности человека опознавать за иноязычными словами замаскированную ими суть. В начале XIX века вместе с бежавшими от революции французами в России явилась мода на французский язык, который стал “знаком отличия” дворянского сословия от “тёмного и невежественного” народа. Французские слова, французские обороты речи наводнили высшее общество. Формы обращения, приветствия и прощания, весь языковой обиходный ритуал, соединявший наш народ вне зависимости от сословий и состояний в одно целое, стали у элиты особыми, иноязычными, уродуя мировосприятие дворянства и лишая его чувства братства со своим народом.

И тщетны были мольбы А. С. Шишкова, убеждавшего высший свет в великой опасности увлечения чужим языком. Приведу его слова в их убедительной полноте, ныне они звучат весьма современно: “Сами французские писатели изображали нрав народа своего слиянием тигра с обезьяною; а когда же не был он таков? Где, в какой земле самые гнусные преступления позволялись обычаями и законами? Взглянем на адские, изрыгнутые в книгах их лжемудрствования, на распутство жизни, на ужасы революции, на кровь, пролитую ими в своих и чужих землях: и слыхано ли когда, чтобы столетние старцы и не рождённые ещё младенцы осуждались на казнь и мучение? Где человечество? Где признаки добрых нравов? Вот с каким народом имеем мы дело!.. Долго мы заблуждались, почитая народ сей достойным нашей приязни, содружества и даже подражания. Мы любовались и прижимали к груди нашей змею, которая, терзая собственную утробу свою, проливая к нам яд свой и, наконец, нас же за нашу к ней привязанность и любовь уязвляет. Не постыдимся признаться в нашей слабости. Похвальнее и спасительнее упасть, но восстать, нежели видеть свою ошибку и лежать под вредным игом её. Опаснее для нас дружба и соблазны развратного народа, чем вражда их и оружие... Очевидный, исполненный мерзостей, пожарами Москвы осиянный, кровью и ранами нашими запечатлённый пример должен нам открыть глаза и уверить нас, что мы одно из двух непременно избрать должны: или, продолжая питать склонность нашу к эгоистическому народу, быть злочестивыми его рабами; или, прервав с ним все нравственные связи, возвратиться к чистоте и непорочности наших нравов и быть именем и душою храбрыми и православными русскими”.

Призыв А. С. Шишкова к очищению языка и нравов от французского влияния не возымел действия на русский высший свет. Восстание декабристов высветило всю пагубность этого влияния. Брожение умов и разложение нравственности в продолжение всего XIX века имели ту же самую чужезычную закваску. А потом в XX веке повторились на русской земле все ужасы кровавой французской революции: царь с царской семьёй – на плахе, поруганная вера, разрушенные храмы, младенцы, осуждённые к смерти в утробах матерей...

Сегодня слова А. С. Шишкова вновь звучат для нас современно и своевременно. Только касаются они англоязычного мира, захватившего Россию в свои лукавые сети. Не спеша, исподволь начиналась англоязычная мания. Сначала среди европейских языков, изучаемых в средних школах, стал самым популярным и востребованным английский. Возник бешеный конкурс в институты иностранных языков на переводческую специальность, хотя эта профессия относится исключительно к сфере обслуживания и сродни должности водителя, охранника и повара. Замелькали интервью побывавших в Америке, что-де “американцы очень похожи на нас, русских, такие же открытые, общительные, радушные люди”, что это “умный, спортивный, чрезвычайно предприимчивый народ, который свято верит в Бога, чтит свободу превыше всего, уважает чужие ценности”.

Сегодня мы, как и А. С. Шишков когда-то, принуждены признать, что были жестоко обмануты и, по простодушию своему, прижали к груди змею, впрыснувшую в нас свой зловредный яд. При ближайшем знакомстве с Америкой и американцами выяснилось, что они оказались крайне не похожими на нас. Язык английский хранит архетипы завоевания и стяжательства, а в идеалах американцев заложены себьялюбие и крайний индивидуализм. Злонамеренной ложью оказалась даже пресловутая “спортивность” и “деловитость” американцев, позорящих свою страну непомерной жирностью и паразитизмом жизни, а равно и глупостью, сопутствующей этим порокам. Но даже сегодня, когда пелена упала с наших глаз, мы продолжаем по инерции плутать, путаясь в старых сетях американских понятий, навязанных нам одновременно с болезненной манией любви к Америке.

Демократия, что так манила в конце 80-х годов, либералы, которые были властелинами дум в 90-е, правовое государство, которое оправдывало в конце XX века разрушение “империи зла” – нашей великой державы, – ныне уже истлевшие фетиши, которые народ метко перетолковал, сообразуясь с собственным опытом жизни: демократия прозывается дерьмократией, либералы – либерастами... Хитроумно внедрённая в нашу экономику приватизация обличена опамятававшимся народом как прихватизация, но обесцененные эти слова, словно троянские клячи, протаскивавшие в наше сознание

разрушительные для нации понятия, сменились новыми заимствованиями из американского лексикона. *Общечеловеческие ценности, толерантность* и угроза *ксенофобии* придавали всплески русского национального самосознания, термины *приватизации* и *инвестиции* маскируют преступления власть имущих, выражения *мировое сообщество* и *гражданское общество* прячут от нас диктатуру мирового правительства, проводником которой является так называемая российская элита, обслуживающая интересы глобализма.

Называть всё это своими именами трезво и честно мыслящим людям удаётся, но натиск американомании столь массивный и всеохватный, что глупцы не успевают разобраться в опасной сути маскирующих враждебные действия слов и продолжают глупеть дальше.

Ещё один пример того, как пагубно могут влиять чужеродные слова на нравственное состояние нашего народа. Благодаря влиянию их в СМИ разошлась по Руси страшная для русской души матерная ругань. Что такое мат? Открытое именование детородных органов, что издревле в русской среде считалось признаком наглости, нечистоты. Само слово “наглый” означало человека, способного обнажиться, явиться нагим на людях. Наглое русские с брезгливостью сторонились, как нарушившего завет целомудрия. Матерная брань – намеренное оскорбление человека клеветой. Это объявление в нецеломудрии не только его самого, но и его близких, родных. Нас часто пытаются убедить что матерщина-де возникла в глубокой древности и не имела, да и сегодня не имеет оскорбительного смысла, что-де русские люди были просты, как дети, их плотские отношения были беспорядочны, и это-де зеркально отразилось в языке. Ложь! Намеренная ложь с целью порушить в наших душах остатки чистоты!

На протяжении тысячелетий отношения в семье у славян и русских были основаны на строгой верности. Блуд наказывался лютой смертью или, в лучшем случае, битиём. Блуд являлся несмываемым позором для всего рода. До сих пор сохранилось оскорбительное наименование “ублюдок”, то есть рожденный в блуде. Даже намёк на блуд – оскорбление. А матерщина – это уже не намёк, это обвинение, это бесчестие семье и роду оскорбляемого.

Существуя на самой дальней периферии языка, эти запретные в быту слова вспоминались русскими очень редко. Но в считанные десятилетия XX века они заполнили разговорную речь, разойдясь сначала в среде мелких ремесленников и торговцев, затем попали в рабочие и солдатские казармы, оттуда перекочевали в крестьянские семьи. Специфика матерной брани в том, что она, будучи словом нечистым и запретным, несёт на себе огромный заряд злой энергии. Именно поэтому ею удобно было пользоваться всякому, кто хочет и не может выразить точным, образным, энергичным словом свою мысль, и заменяет её словом матерным, буквально разговаривая матом.

Ещё одно чуждое нам, пагубное языковое явление – криминальный жаргон. Жаргон – специальное наречие преступного мира, скрывающего за непонятными для непосвящённых словами свои тайные, опасные для окружающих намерения и планы. Такой жаргон называется блатным. А кто себя именует блатными? Сегодня это уголовный мир России без разбору народов и сословий, но само слово “блат” имеет давнюю историю. Оно ведёт своё происхождение из идиша, еврейского жаргона немецкого языка. “Блат” означает “кровь”. Так, с советских времён сохраняются у нас выражения “доставать по блату” или “у него там блат”. “По блату достать” – это когда твои единокровные тебе помогают добыть желаемое, а “иметь блат” – это когда в нужном месте в нужное время встречаешь своего, и он опять же тебе помогает. Когда уголовников называют “блатными”, тоже понятно, ведь они повязаны между собой кровью, только не собственной, а кровью своих жертв. Из блатного жаргона пришли в русский язык многие слова, которые сейчас кажутся вполне безобидными, на самом же деле они имеют оскорбительный смысл. Так, из блатного жаргона мы восприняли слово “быдло”, польское по происхождению, оно означает “скот, приуроченный к убою”. Жаргон вбросил в общее употребление и слово “лох”, оно тоже заимствовано из польского, где “льоха” означает “свинья”. Ребятишек на жаргоне называют “пацаны”, что в переводе с идиш означает “рабы, слуги”. Всё это попытка унижить и оскорбить, причём совершённая в тайне от непосвящённых. Блатной жаргон – не только и не столько язык, недоступный непосвящённым, сколько тайное оскорбление непосвящённых.

Уже эти явления – матерное сквернословие и блатной жаргон, и карточное поругание христианства, ставшие, как это ни прискорбно, принадлежностью русского быта и обживающие тихой сапой русскую культуру, – показывают, что мимикрия чужаков, не изменивших в русской среде архетипов своего прошлого мышления, оборачивается для русского народа тяжёлыми духовными болезнями, исцеление от которых требует времени и огромного напряжения национальных сил.

А чужаки, внедрившись в культуру, обосновавшись в политике, подделываясь под русских в быту и языке, торопятся для укрепления своих позиций в России навязать нам новые определения русского народа. Русские, – убеждают нас лукавые пришельцы, – это те, кто знает русский язык. Русские, – настойчиво внушают нам чужаки, – это все, кто живёт в России и считает её своей Родиной, и потому возможны русские буряты, русские калмыки, русские евреи. . . Натиском подобных, противоречащих науке и жизни внушений у нас отнимают главные признаки русскости – русскую кровь, русскую породу, русскую картину мира, русский тип поведения, размывают чёткие, выработанные тысячелетиями границы между своими и чужими, превращая Россию в плавильный котёл для выведения новой человеческой породы – россиянской. Наш дух противится этому, и надежда воскресения угасающих русских сил – наш язык, который, вопреки внешней экспансии, способен воспитывать и растить новые поколения истинно русских людей.